

МНЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ И ВЛАСТИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР О ЯПОНСКОЙ ОПАСНОСТИ В ПРЕДДВЕРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Александр Александрович ИСАЕВ, аспирант Дальневосточного государственного университета

Подлинное звучание в последние десять — пятнадцать лет приобрела проблема социально-психологического фактора в истории. В центре ее находится феномен общественного мнения.

Автора главным образом интересует массовое (общественное) мнение, так как жизнедеятельность человека не может происходить вне общества, которое в свою очередь постоянно влияет на личность. К изучению любого общества, а тем более его мнения, необходимо подходить осторожно, потому что общество (тем более общественное мнение. — **А.И.**) нельзя исследовать «как вещь», потому что оно меняется¹.

Общественное мнение — это отношение (явное или скрытое) людей к событиям и фактам социальной действительности...² Однако прежде всего оценочные суждения по социально значимым (актуальным, насущным) вопросам для данного общества в определенное время³.

Главной и наиболее яркой характеристикой общественного мнения советского периода (в том числе 30—40-х годов XX в.) была его раздвоенность на официальное и неофициальное. Причем оба не могли выполнять своего социального предназначения, т.е. влиять на решения власти. Официальное — в силу зависимости от той же власти, неофициальное — в силу своего «подпольного», никак и никем не признанного существования⁴. Все же, несмотря на эту двойственность, можно сказать, что общественное мнение в 30—40-е годы сформировалось во всем его многообразии, стабилизировались интересы и ценностные ориентации в социальных группах⁵.

Необходимо отметить, что власть в Советском Союзе не была безразлична к мнению народа. Более того, она постоянно стремилась укрепить его лояльность по отношению к себе. Для этого прежде всего проводилась линия по обеспечению безопасности страны от возможных посягательств со стороны капиталистического окружения. Именно внешнеполитическая безопасность страны была наиболее актуальна для населения СССР в предвоенный период. Еще с середины 30-х годов сложилась неоднозначная внешнеполитическая ситуация, связанная с включением Страны восходящего солнца в круг потенциальных противников СССР наряду с нацистской Германией и фашистской Италией⁶.

В этой ситуации советское политическое руководство начало предпринимать на Дальнем Востоке меры по укреплению и развитию региона, которые походили на подготовку к возможному военному конфликту. Усилилась охрана дальневосточных границ, создавались строительные части, строились укрепленные районы,

аэродромы, дороги, подводный флот, бензохранилища, склады под продовольствие, был образован Дальвоенстрой, укреплены все порты ДВК⁷ и т.д. Главной проблемой являлось обеспечение края рабочей силой. Слабая заселенность ДВК не только сковывала развитие промышленности и сельского хозяйства, но и была опасной с точки зрения усложнившейся военно-политической обстановки⁸. По предварительным данным Всесоюзной переписи населения в 1937 г., в ДВК проживали (без численности армии, флота и войск НКВД) 2 485 432 чел.⁹, а по наиболее известной переписи 1939 г., — 2 338 095 чел.¹⁰

Однако укомплектование края рабочей силой не могло полностью снять напряженность. Следует отметить, что именно Дальний Восток оставался прибежищем для тех, кто по социально-политическим и идеологическим причинам покинул центр страны. Нередко эти люди были настроены против советской власти и представляли еще большую опасность, чем проблема заселения. Такие переселенцы оказались благоприятной почвой для иностранных (в основном японской) разведок. «Нет сомнений, что Владивосток (как и большинство областей ДВК. — **А.И.**) кишит всякой агентурой, особенно японской, — писал в донесении командующий ВМФ М. Викторов. — Она широко использует в своих целях классово-враждебный элемент. Необходимо поставить вопрос перед ЦК ВКП(б) о выселении данного элемента, шпионов, террористов и бандитов из ДВК»¹¹. Несомненно, что весь Дальний Восток, по мнению власти, нуждался в очищении и укреплении в социально-политическом и идеологическом плане. Было принято решение о закреплении в районе прежде всего демобилизованных красноармейцев и пограничников их из числа проходивших службу на Дальнем Востоке, а также членов семей¹². Именно эта категория переселенцев, прошедшая в армии должную военную и идеологическую подготовку, считалась надежной и необходимой. С 1932 по 1939 г. их число составило почти 35 тыс. чел.¹³ Вслед за военными, на Дальний Восток начало переселяться и гражданское население, в большинстве молодежь. Именно на нее делало ставку советское руководство не только в развитии промышленности, хозяйства и обороны, но прежде всего в усилении идеологической и патриотической работы в городе и деревне. Молодое поколение не смущали и не возмущали «временные» бытовые неудобства. Воспитанное в революционном духе, оно должно было в корне пресекать любые попытки антисоветской агитации и пораженческие настроения. Молодое поколение мечтало вступить в ряды героической и победоносной Красной Армии и встать в один ряд с ее героями. Желание это было подчас так велико, что подавались заявления о долгосрочном призыве, появились случаи подлога документов (увеличивался возраст призывника). В случае отказа родители призывника, расценив это как позор, умоляли взять их детей в РККА¹⁴. Патриотизм и чувство классовой борьбы оказались очень сильны в молодом поколении. Так, призывник, отец которого был арестован НКВД, перед отправкой в армию говорил: «...я и впредь буду беспощаден к врагам народа, как был беспощаден к отцу и его компании, который полностью продался японским самураям; для блага народа отдам всю свою жизнь»¹⁵.

Близость границ стала опасной и из-за возможности частых диверсий, саботажа, а также проникновения и распространения иностранной идеологии. Особое беспокойство вызывал о-в Сахалин, где соприкасались японские и советские интересы. На территории советского Сахалина, его северной части, еще с 1925 г. находились японские нефтяные и угольные концессии, на которых работали советские и японские рабочие и служащие. Японские власти старались проводить на острове политику преобладания японской рабочей силы над советской как в количественном составе, так и в качественном¹⁶. Эта политика направлялась прежде всего на постепенное заселение северной части Сахалина японскими подданными для возможного последующего отторжения этой территории от СССР. Были нередкими случаи насилия над советскими рабочими. Так, в течение весны и лета 1936 г. на японских концессиях Сахалина отмечены случаи избиения русских рабочих японцами. Японская администрация также грубо обращалась, оскорбляла русских рабочих и служащих. На этой почве обострялись отношения между русскими и японцами¹⁷. Однако и японские служащие ощущали на себе выпады

и слышали далеко не лестные высказывания в свой адрес со стороны русских рабочих и жителей острова, особенно после военного конфликта на оз. Хасан. «Работники Горного округа на производстве неоднократно устанавливали факты... разговоров с японской администрацией в грубой форме. Участились случаи произношения нецензурных ругательств по отношению ко всем японцам: как к работникам концессии, так и к проживающим на близлежащей территории. Данные прецеденты используются японцами в антисоветских целях»¹⁸.

Остров являлся пограничной зоной, и поэтому местные власти опасались всякого рода конфликтных ситуаций с японской стороной. Сахалинские областные власти видели опасность в том, что в трех из шести районов области имелись японские концессии, на которых трудились сотни японских рабочих, по существу являвшихся японскими солдатами...¹⁹ В случае начала войны они могли бы составить основу второго (тыльного) фронта («пятой колонны»).

Советские местные и центральные органы власти считали, что японцы могут прибегнуть к бактериологической атаке на ДВК. В докладной записке карантинный инспектор отмечал: «...Сахалин и Камчатка являются самыми вероятными местами в Союзе, через которые японцы стараются и будут стараться забросить к нам через отсутствующие у нас сельскохозяйственные и пищевые продукты опасные вредителей и болезни...»²⁰ В связи с этим руководство особое внимание уделяло политико-идеологической работе среди рабочих, служащих, а также жителей острова, считая, что непосредственная близость с вероятным противником может привести к потере революционной бдительности и патриотизма. Что в конечном счете и произошло. Частое общение с японцами не могло не отразиться на взглядах и мировоззрении русских рабочих. Они видели, как живут японцы, и им хотелось жить так же. Недаром территории концессии рассматривались местными органами власти и НКВД как рассадник шпионажа, социально и классово-чуждого элемента. «Эту засоренность шпионами и социально-чуждым элементом, связанным с японским империализмом, особенно можно наблюдать на Сахалине, имеющем сухопутную границу с Японией»²¹. Контакты русских граждан с японской разведкой всячески пресекались органами НКВД²².

Однако не только среди рабочих, но и в среде партийной номенклатуры местных органов власти наблюдались прояпонские настроения. Так, в спецсообщении по Сахалину отмечалось, что «имеются случаи, когда отдельные коммунисты Охинской парторганизации имели близкую связь с японской разведкой, а некоторые выполняли задания японцев шпионского характера и проводили на собраниях и в узком кругу антисоветскую японофильскую агитацию»²³. Был установлен строжайший контроль за всей литературой и другими печатными изданиями на японском языке, который должен воспрепятствовать проникновению прояпонской и антисоветской пропаганды и агитации в ДВК²⁴.

В связи с усилением в СССР борьбы с «врагами народа» и «шпионами» в поле зрения НКВД попадали лица корейской и китайской национальности. Их подозревали в связях с японской разведкой, так как многие имели родственников за границей. Было принято решение переселить корейское население в глубь страны. Как видно из доклада на имя Ежова, УНКВД по ДВК полагало, что «родственные связи корейцев крепки, территориальное ограничение проживания их на ДВК в только оставшихся (не пограничных. — **А.И.**) районах, несомненно, отразится на их настроении и эти группы будут прекрасной почвой для японской работы»²⁵. Из ДВК были выселены все корейцы.

Районы компактного проживания корейцев стали рассматриваться советским правительством как «благоприятная среда для развития деятельности японской агентуры»²⁶. Вслед за правительством русские граждане считали всех корейцев шпионами, проявляли к ним недоверие и пренебрежение. Так, на собрании корейцев-колхозников секретарь райкома партии Тамбовского района Амурской области говорил: «Фашисты и японская контрразведка плотно связалась с корейским населением, и среди этих корейцев имеются свои японские разведячейки...»²⁷

В целом, само корейское население, хотя и без чувства радости, но, не смея противиться, поддержало политику правительства. Всего из Дальневосточного

края были выселены 171 781 чел., арестованы по подозрению в шпионаже около 2,5 тыс. чел.²⁸

После выселения корейцев в Среднюю Азию необходимо было заселить районы, в которых они проживали. На пустующие земли с 1938 по 1940 г. переселились около 34,5 тыс. трудоспособных колхозников²⁹. Необходимо отметить, что, несмотря на развернувшееся строительство и развитие промышленности, ДВК оставался в большей степени сельскохозяйственным регионом, где преобладало крестьянство. «Наш край — пограничный, — говорил секретарь Хабаровского крайкома ВКП(б) Т. Борков, — укрепляя колхозы и совхозы, мы помогаем РККА охранять священные и неприкосновенные границы нашей родины»³⁰.

Колхозники, проживавшие в приграничной полосе, постоянно сталкивались с прояпонской пропагандой. Нередко антисоветской агитацией занимались крестьяне-старожилы, жившие на Дальнем Востоке еще до революции. С победой советской власти эти люди потеряли свои хозяйства, насильно стали колхозниками. Именно на приход японцев и белоэмигрантов на Дальний Восток они возлагали большие надежды. К примеру, в Тернейском и Буденновском районах ряд лиц проводили агитацию со словами: «Японцы уже объявили войну. Скоро будет переворот и придет конец Советской власти»³¹. Во время подготовки к уборке зерна также отмечались антисоветские высказывания: «...Колхозники не хотят работать в колхозах, потому что японцы придут и ни одного колхозника не оставят живым...»³² Составной частью крестьянства являлось казачество, которое рассматривалось властью и обществом как помощник белой армии и интервентов, т.е. ярый противник советской власти. 5 мая 1936 г. вышло распоряжение начальника УНКВД ДВК о проверке состояния казачества в Дальневосточных областях, целью которого было установить, насколько эта прослойка общества лояльна к советской власти, и создать советское казачество³³. Основными районами скопления и компактного проживания казаков были Уссурийская и Амурская области. Проверкой было установлено, что многие из них перестали считать себя таковыми и в документах относили себя к крестьянам. Чисто казацких традиций не осталось, а молодежь имела о них смутное представление, отрицательного отношения к советской власти не проявляла. Наоборот, зарегистрированы положительные отклики на создание Красного казачества. «Если бы нас организовали, то сила была бы крепкая. Уссурийские казаки в 1905 году японцев били крепко, и теперь бы ударили японцев не плохо...», «Уссурийские казаки могут защитить Советскую власть, сыграть большую роль на ДВК»³⁴.

В Амурской области многие старожилы не надеялись на восстановление казачества, потому что оно было ярым противником советской власти и ушло за границу, а те из его представителей, что остались были связаны с японо-белогвардейскими шпионами и занимались саботажем и контрреволюционной деятельностью³⁵. Всего казаков в Приморской, Уссурийской и Амурской областях насчитывалось около 11—12 тыс. чел. Точная статистика не велась³⁶.

Основной опорой советской власти являлся рабочий класс. Именно он вместе с героической Красной Армией должен был разгромить любого агрессора. Однако и в среде рабочих время от времени звучали антисоветские высказывания. Так, в информационной справке о политико-идеологическом состоянии ДВЖД, в частности, отмечается, что «имеют место частые контрреволюционные и антисоветские выступления среди рабочих и служащих. В ходе этих разговоров появляется благоприятная почва для агитации против Советской Власти бывших белых и прояпонских работников»³⁷.

Необходимо сказать, что население ДВК отчетливо представляло вероятность и близость войны с Японией. Особенно это относилось к местным органам власти и партии, на плечи которых должен был лечь весь груз ответственности в военное время. Для обеспечения обороны партийное руководство на местах должно было прежде всего подготовить население в политико-идеологическом плане. Еще за год до событий на оз. Хасан в информационном докладе для узкого партактива г. Владивостока автор находит: «...Считать, что японцы нападут на нас. Надо дать японцам резкий отпор. Наша бдительность, наша подготовленность обеспе-

чат нам мир. На партсобраниях, на рабочих собраниях надо провести доклады о мерах борьбы с иностранными шпионами и диверсантами...»³⁸.

Обстановка на Дальнем Востоке была крайне напряженной. Несомненно, что пропаганда и агитация, проводившиеся советским руководством для обеспечения революционной бдительности и стойкости, незыблемости советского строя, давали положительные результаты. Посредством кино, радио, литературы и периодической печати в общественном мнении формировалась ненависть к врагам страны Советов, в частности к Японии.

Еще свежи были воспоминания об издевательствах японских интервентов. Об этом напоминали газеты и кино³⁹. Создавались кино- и литературные произведения, в которых советский народ уже выходил победителем в будущей войне с японцами и их пособниками⁴⁰. Однако были в этом и свои недостатки. В пропаганде не всегда раскрывалась вся серьезность обстановки. В ней часто имели место примеры излишнего оптимизма в будущей борьбе с врагом, что приводило к обратному эффекту. Тыловое население считало необязательным готовить себя к обороне, к отпору агрессора. Это ослабляло бдительность, чем могли воспользоваться враги. К примеру, в стенографическом сообщении военного отдела Хабаровского крайкома ВКП(б) говорилось: «На ряде заводов города Хабаровска оборонно-массовой и политико-идеологической работой никто не занимается, здесь считают, что это второстепенный вопрос»⁴¹. Уверенность в непобедимости Красной Армии и незыблемости нашей земли были настолько сильны, что нередко приводили к промышленному и хозяйственному строительству в непосредственной близости от границы. Так, заместитель председателя района по поводу строительства фабрики сказал: «Своей территории мы отдавать не собираемся, поэтому, если будет нужно, будем строить на границе». Вместе с тем колхозные строения находились на территории укрепрайонов⁴².

Широкий резонанс в обществе, а также актуальность внешнеполитической безопасности были связаны с советско-японскими конфликтами на оз. Хасан (июнь 1938 г.) и р. Халхин-Гол (июль—август 1939 г.). Эти события вызвали подъем патриотических чувств советских граждан.

Молодежь находилась в первых рядах добровольцев, изъявивших желание ехать на фронт (как и летом 1941 г.). В Приморский обком ВЛКСМ поступили сотни заявлений с просьбой отправить на места боев. В Посъете почти каждый объявил себя мобилизованным на защиту Родины. На всех заводах, фабриках, в учебных заведениях прошли митинги протеста против наглой вылазки японских империалистов. «Если понадобится, мы все, как один, вместе со славным Дальневосточным фронтом встанем на защиту священных границ нашей великой Родины», — записал в решении митинга коллектив завода «Дальсельмаш»⁴³. «По первому зову партии и правительству все семь моих сыновей встанут в ряды Красной Армии. Да и сам я еще могу крепко держать в руках винтовку», — сказал на митинге рабочий завода «Энергомаш»⁴⁴.

Немалый интерес представляет мнение непосредственных участников боевых действий об отношении армии к японцам. «Я опасался того, что упоминания о боях, которые придется вести с японцами, отрицательно отразятся на настроении красноармейцев. Но сообщение вызвало невиданный политический подъем в войсках и ярость, злобу к японцам. В целом приказ был встречен с большим подъемом», — вспоминал бывший начальник 32-й стрелковой дивизии⁴⁵. Желание разбить врага было настолько велико, что, по словам бывшего курсанта учебного взвода роты связи: «Мы вступили в бой с марша. Несмотря на тяжелые условия, не было среди наших воинов даже разговоров об усталости. Никто не жаловался на трудности и лишения. У нас было высокое политико-моральное состояние»⁴⁶. Нередко имели место высказывания интернационального характера. Так, под конец боев в окопах стали раздаваться призывы перейти р. Тумень-Ула, которая находилась совсем рядом (участок границы. — **А.И.**), и прийти на помощь Китаю: «...сколько можно терпеть, когда японцы приносят нам столько бед!» Но были и другие мнения «...Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей земли вершка никому не отдадим», — пишет в своих воспоминаниях бывший курсант школы молодых командиров⁴⁷.

После окончания боевых действий на Дальнем Востоке молодежь шла служить в ряды РККА, воодушевленная подвигом ее воинов. В своем заявлении призывник-стахановец писал: «В Красной Армии я буду овладевать боевой и политической подготовкой по-стахановски, а бить врага, если потребуется по-хасански»⁴⁸.

Однако не все радовались победам Красной Армии и испытывали ненависть к японским милитаристам. НКВД были отмечены случаи антисоветских выступлений среди граждан и их связей с японцами. В докладной записке о политическом состоянии в Амурской области, в частности, говорится, что во время боев с японскими самураями некоторые колхозники стали размежевывать колхозные поля (делить их). В это же самое время были выявлены поджоги колхозных амбаров с зерном. Имелись также факты явной, открытой связи японцев с «враждебным элементом» области: были замечены сигнальные переговоры с заграницей посредством световых ламп⁴⁹. Зарегистрированы случаи проникновения в советское общество иностранной (чаще прояпонской) пропаганды. Через слухи она насаждала пораженческие настроения среди советских граждан. Борьбу с такого рода слухами и агитаторами вели сотрудники НКВД. В материалах одного из заведенных дел говорится: «В период боев у озера Хасан ряд лиц распространял слухи, «...Что уже без объявления идет война, и Советский Союз виноват, т.к. помогает Китаю бойцами и оружием через Монголию». Эти лица восславляют силу и мощь японской армии и высказывают пораженческие настроения в отношении РККА: «Японская армия победоносная и непобедимая, не было еще в истории такого дела, чтобы японская армия терпела поражение»⁵⁰.

Но, несмотря на случаи антисоветских высказываний, общественное мнение в ДВК было настроено на противодействие японским агрессорам. «Японские самураи уже не раз чувствовали силу РККА на своей шкуре, у советского народа слова не расходятся с делом», — заявил коллектив фабрики «Димитрова» в Биробиджане в дни боев у р. Халхин-Гол⁵¹.

Вторая половина 1930-х годов в Советском Союзе была отмечена целым рядом политических процессов против троцкистов, зиновьево-бухаринцев, «правуюклонистов» и т.д. Особый размах они получили в ДВК, потому что этот регион рассматривался как пристанище всякого рода социально и политически чуждого элемента, бежавшего из центра страны: кулаков, белых, казаков и различных шпионов, которые попадали под подозрение как органов НКВД, так и простых граждан. В целях «очистки» ДВК лиц, подозревавшихся иногда небезосновательно в сотрудничестве с разведками Японии и Маньчжурии, а также их пособников высылали за пределы региона. Как явствует из докладной записки Гвишиани, отправленной на имя Берии в 1940 г., многие приморцы положительно относились к этой акции, так как считали, что действительно край «засорен социально-чуждым элементом». Можно предположить, что основная часть населения, наученная горьким опытом политических репрессий, предпочитала молчать или вторить большинству. В связи с выселением появлялось много различных толков. Одним из муссировавшихся слухов был следующий: «выселяют, потому что боятся японцев». Работник Рыбсбыта рассуждал так: «Вот мучают людей. Кулаков всех давно выгнали... Наверное, боятся японцев. А ведь хвастаются — мы сильные...»⁵²

Именно страх за свою жизнь порождал подозрение к ближнему. Опасаясь репрессий, общественное мнение повторяло мнение власти. Однако, несмотря на всеобщий подъем патриотических чувств, в обществе время от времени имели место высказывания в обществе с прояпонских позиций: некоторые надеялись, что с помощью Японии удастся уничтожить советскую власть и тем самым восстановить старый строй. Власть стремилась пресечь прояпонские настроения как средствами пропаганды и агитации, так и усилиями НКВД. Но «мнение народное», которое нередко шло в разрез с официальным, несмотря ни на что, выходило на первый план в самых экстремальных ситуациях и по актуальнейшим для общества вопросам.

- ¹ Бессмертный Ю.Л. «Анналы»: переломный этап? // Одиссей: Человек в истории. М., 1991. С. 11.
- ² Большая советская энциклопедия. Т. 18. 3-е изд. М., 1974. С. 242.
- ³ Оссовский В.Л. Проблема идентификации общественного мнения // Социол. исследования (далее Социс). 1999. № 10. С. 9.
- ⁴ Демидов А.М. Общественное мнение на пути индустриализации // Социс. 1992. № 2. С. 75.
- ⁵ Мухаметшин Ф.Х. Влияние общественного мнения на управленческие решения // Социс. 1998. № 11. С. 9.
- ⁶ Шишов А.В. Россия и Япония: история военных конфликтов. М., 2001. С. 521.
- ⁷ ДВК — Дальневосточный край — административно-территориальное образование. С 1932 по 1938 г. в его состав входили области: Приморская, Уссурийская, Хабаровская, Еврейская автономная, Амурская, Зейская, Нижнеамурская, Камчатская, Сахалинская.
- ⁸ Адиебеков Г.М. Первый опыт совместной российско-японской публикации исторических документов // Вопр. истории. 2002. № 3. С. 135.
- ⁹ ГАХК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1315. Л. 11—16.
- ¹⁰ Очерки истории дальневосточных организаций КПСС (1938—1987). Хабаровск, 1987. С. 33.
- ¹¹ ГАПК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 609. Л. 35—36.
- ¹² Там же. Д. 681. Л. 7.
- ¹³ Краснознаменный Дальневосточный: История Краснознаменного Дальневосточного военного округа. М., 1985. С. 110.
- ¹⁴ ГАХК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 599. Л. 111—112, 123—125, 127, 174.
- ¹⁵ Там же. Л. 160 об.
- ¹⁶ Там же. Д. 280. Л. 38—39.
- ¹⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 942. Л. 252, 295.
- ¹⁸ Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 319. Л. 264.
- ¹⁹ Там же. Д. 208. Л. 297, 298.
- ²⁰ Там же. Д. 179. Л. 61.
- ²¹ ГАПК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 101. Л. 7.
- ²² ГАХК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 771. Л. 81; Д. 7764. Л. 152.
- ²³ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 946. Л. 15—18.
- ²⁴ Там же. Ф. 803. Оп. 2. Д. 2а. Л. 2—3.
- ²⁵ Кузин А.Т. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы. Южно-Сахалинск, 1993. С. 128.
- ²⁶ Бугай Н.Ф. Выселение советских корейцев с Дальнего Востока // Вопр. истории. 1994. № 5. С. 142.
- ²⁷ Кузин А.Т. Дальневосточные корейцы... С. 130.
- ²⁸ Там же. С. 134.
- ²⁹ Крестьянство Дальнего Востока XIX—XX вв.: (очерки истории). Владивосток, 1991. С. 229.
- ³⁰ Тихоокеан. звезда. Хабаровск, 1940. 14 февр.
- ³¹ ГАХК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 942. Л. 395.
- ³² Там же. Д. 945. Л. 270—271.
- ³³ Там же. Д. 942. Л. 230.
- ³⁴ Там же. Л. 231—232.
- ³⁵ Там же. Д. 1540. Л. 666.
- ³⁶ Там же. Д. 942. Л. 231, 233, 235.
- ³⁷ ГАХК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 764. Л. 44—56.
- ³⁸ ГАПК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 847. Л. 4, 5.
- ³⁹ См.: Тихоокеан. звезда. Хабаровск, 1937. 22 марта; Багдасарян В.Э. Образ врага в исторических фильмах 1930—1940-х гг. // Отеч. история. 2003. № 6. С. 31—42; История советского кино. 1917—1967. Т. 2. 2. 1931—1941. М., 1973; ГАПК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 749а. Л. 38—40; Юренев Р.Н. Советское киноискусство тридцатых годов. М., 1997.
- ⁴⁰ См.: Павленко П. На Востоке. М., 1937; Киршом В. Большой день. М.; Л., 1936—1937; Тихоокеан. звезда. Хабаровск, 1937. 1 марта.
- ⁴¹ ГАХК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 166. Л. 8.
- ⁴² Там же. Д. 225. Л. 265, 278—279.
- ⁴³ Время. Газета. Люди: «Тихоокеанской звезде» — 50 лет. Хабаровск, 1970. С. 53.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ ГАПК. Ф. 3135. Оп. 3. Д. 202. Л. 6.
- ⁴⁶ Там же. Д. 201. Л. 4, 6.
- ⁴⁷ Там же. Д. 203. Л. 22, 23.
- ⁴⁸ ГАХК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 225. Л. 149.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1533. Л. 1—2.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 306. Л. 148, 149.
- ⁵¹ Там же. Д. 203. Л. 126.
- ⁵² Чернолуцкая Е.Н. «Очистка» Приморья от «неблагонадежного» населения в 1939 г. как элемент сталинской репрессивной политики // Вопросы социально-демографической истории Дальнего Востока в XX в.: Сб. науч. статей. Владивосток.

SUMMARY. The article by A.A. Isaev “The Opinion of the Population and Authorities in Primorye of the Japanese Danger on the Threshold of War” describes the moods in the Russian society on the eve of the World War II and characterizes the attitude to the so-called “Japanese threat”.